

Архиепископ Иоанн Златоуст

**Творения Святого Отца нашего
Иоанна Златоуста, архиепископа
Константинопольского**

Том 3. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 009
ББК 6/8
3-67

Златоуст А.
3-67 Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского:
Том 3. Книга 2 / Архиепископ Иоанн Златоуст – М.: Книга по Требованию, 2025. – 568 с.

ISBN 978-5-519-70983-5

Печать разрешена Советом Санкт-Петербургской Духовной Академии в лице Бориса,
епископа Ямбургского, ректора Академии.

ISBN 978-5-519-70983-5

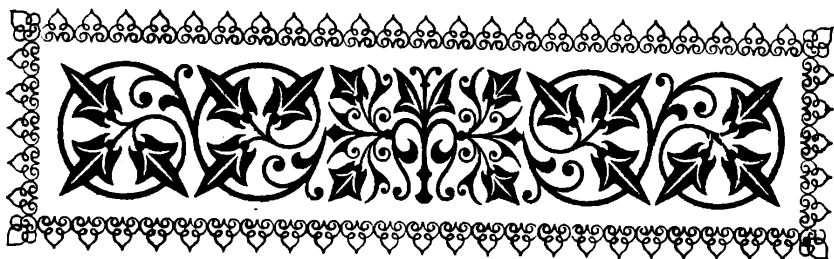
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

приложенное ко II-му тому твореній св. отца, издаваемыхъ
Спб. Духовною Академіею.

ИКОНА св. Іоанна Златоуста, снимокъ съ которой приложенъ ко II-му тому твореній св. отца, издаваемыхъ с.-петерб. духовною академіею, принадлежитъ императорскому послу въ Царьградъ Александру Ивановичу Нелидову, благодаря любезности котораго редакция и могла получить съ нея этотъ снимокъ. Икона сдѣлана мелкою разноцвѣтною мозаикою, по золотому мозаическому фону, какъ видно изъ снимка, представляющаго собою точное подобіе оригинальной иконы. Изображеніе Святителя погрудное; типъ средовѣка съ серьезными и выразительными чертами: сильно развитое, открытое, морщинистое чело, высокія брови, глубокій пронизательный взглядъ, прямой красивый носъ, впалыя щеки, плотно сложенные губы, небольшая немного раздвоенная борода, большія уши, овалъ лица сплюснутый, съ явными признаками худощавости и морщинъ подъ глазами. Это типъ строгаго аскета, самоотверженнаго учителя, всѣ помыслы котораго обращены къ горнему міру. Голова святителя окружена разноцвѣтнымъ мозаическимъ нимбомъ, составленнымъ какъ бы изъ драгоценныхъ камней. Одежда — крестчатый фелонь, обычно употребляемый въ древности епископами; на плечахъ омофоръ, также украшенный крестами, какъ въ мозаикахъ св. Софіи константинопольской. Десница благословляющая именовословно;

въ шуйцѣ Евангеліе, украшенное драгоценными камнями, поддерживаемое на омофорѣ. Фонъ иконы золотой. По сторонамъ головы Святителя вертикальная надпись: о а҃гїѡс Іѡ о Хризостѡсѣ.

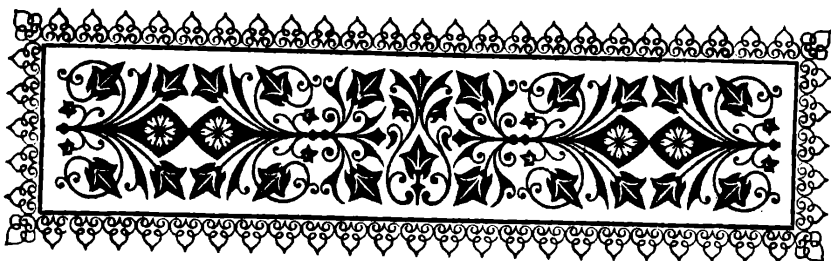
Въ какой мѣрѣ отмѣченныя черты соответствуютъ дѣйствительному виду св. Іоанна Златоуста? Мы имѣемъ основанія думать, что рассматриваемая икона заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя черты портретнаго сходства съ оригиналомъ. Изъ біографіи св. Златоуста, составленной епископомъ Палладіемъ еленопольскимъ, и изъ отрывочныхъ замѣчаній, изрѣдка встрѣчающихся въ сочиненіяхъ самого Златоуста, можно заключить, что онъ обладалъ слабымъ и довольно миньютюрнымъ организмомъ, подвергался частымъ заболѣваніямъ и вообще былъ худощавъ и нервозенъ; имѣлъ оголенный черепъ. Понятно само собою, что по этимъ довольно неопредѣленнымъ чертамъ невозможно составить болѣе или менѣе точное понятіе о наружности Златоуста; однакожъ чрезвычайно любопытно то, что черты эти отмѣчаются въ сохранившихся до насъ иконописныхъ подлинникахъ. Греческій подлинникъ Діонисія Фурноаграфіота, какъ явленіе позднѣйшее, утратилъ уже основныя черты древняго типа св. Златоуста: онъ замѣчаетъ лишь, что св. Златоустъ „молодъ, съ небольшою бородою, со свиткомъ въ рукѣ“. Но въ древностяхъ Ульпія о Златоустѣ сказано: роста весьма малаго, голову на плечахъ имѣетъ большую, крайне худощавъ; носъ имѣлъ нѣсколько длинный, ноздри широкія, цвѣтъ лица блѣдножелтый; ямки глазъ глубоки; глаза большіе; по временамъ во взорѣ блистаетъ привѣтливость, хотя въ прочихъ частяхъ лица выраженіе грустное; лобъ открытый и большой, изрытъ многими морщинами; уши большія; борода небольшая и весьма рѣдкая, украшенная сѣдыми волосами. Совершенно сходными чертами описывается Златоустъ и въ древнихъ прологахъ и въ нашемъ иконописномъ подлинникѣ критической редакціи: „Божественный Златоустъ видомъ тѣла малъ бѣше зѣло возрастомъ, велію главу имѣя, надъ плечи висящу, тонокъ зѣло опасно, широкъ ноздрями, лицемъ блѣденъ.... Глубоки чашки имѣя и зраки въ сихъ имѣ велики, ими же и случашеся видѣніе весело возсіати, аще же и прочее образа жестокое показашеся; высоко чело и велико, брови высоцѣ начертаны, уши имѣя велицѣ, брану же малу и зѣло рѣдку, размѣшену бѣлю, власы русъ; челюсти влущени; равно имѣяше пощеніе даже и до конца“ (подъ 18 ноября). Тотъ же подлинникъ въ другомъ мѣстѣ (30 янв.) отмѣчаетъ еще разъ высокое морщинистое чело Златоуста, святительскія ризы, благословляющую десницу и книгу въ шуйцѣ. Согласіе названныхъ источниковъ въ главныхъ чертахъ даетъ поводъ думать, что черты эти не случайны, но что

онѣ были дѣйствительно отличительными чертами лица св. Златоуста. Сохраняясь въ преданіи, восходящемъ своимъ началомъ ко временамъ вселенскаго учителя, онѣ естественнымъ образомъ перешли въ область христіанской иконографіи и окрѣпли здѣсь, благодаря консервативному характеру иконографіи византійской и древне-русской. Одинъ изъ лучшихъ образцовъ иконографическаго типа, сохранившаго въ себѣ важнѣйшія портретныя черты, мы и имѣемъ въ разсматриваемой мозаической иконѣ.

Къ какому же времени относится эта икона? Присматриваясь къ типу и одѣянію св. Златоуста, мы видимъ здѣсь черты хорошаго византійскаго стиля, при мастерской technikѣ въ лицѣ достаточно переданы индивидуальныя черты; сильно выражена красота и пластичность отдѣльныхъ формъ, въ которыхъ открывается внутреннее величіе духа. Это не есть иконописный шаблонъ, какими изобилуетъ эпоха упадка византійскаго искусства; это произведеніе искусства, все еще полного жизни и энергіи. Говоря это, впрочемъ, мы отнюдь не думаемъ относить разсматриваемый памятникъ къ блестящей эпохѣ византійскаго искусства; въ немъ сказываются довольно замѣтно нѣкоторыя черты, необычныя для указанной эпохи: въ изображеніи одеждъ замѣтна значительная условность и отсутствіе естественной драпировки; въ изображеніи лица, именно въ изображеніи впалыхъ щекъ и открытаго чела, обнаруживается тенденція къ чрезмѣрному усиленію общеизвѣстныхъ признаковъ типа, или наклонность къ художественному реализму. Сопоставленіе между собою названныхъ чертъ, изъ которыхъ однѣ тянутъ къ блестящей эпохѣ, а другія граничатъ съ эпохою упадка, даетъ основаніе относить разсматриваемую икону къ эпохѣ вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства въ XI—XII в. Палеографическіе признаки надписи, находящейся на иконѣ (овальность круглыхъ буквъ и прямоугольность, а не квадратность, четверугольныхъ) стоятъ въ согласіи съ признаками художественными и иконографическими.

Н. П.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

БЕСѢДЫ, СЛОВА И ПИСЬМА.

БЕСѢДА

на Евтропія евнуха, патриція и консула.

В СЕГДА, но особенно теперь благовременно сказать: *суета суествій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Гдѣ теперь пышная обстановка консульства? Гдѣ блестящіе свѣтильники? Гдѣ рукоплесканія и ликованія, пиршества и праздники? Гдѣ вѣнки и завѣсы? Гдѣ городской шумъ, и хвалебные клики на конскихъ бѣгахъ, и лстивыя рѣчи зрителей? Все это прошло: вдругъ подулъ вѣтеръ и сорвалъ листья, обнажилъ дерево и потрясъ его до основанія съ такою силою, что, казалось, вырветъ его съ корнемъ и разрушить самыя волокна его. Гдѣ теперь притворные друзья? Гдѣ пиры и обѣды? Гдѣ толпа тунеядцевъ, и ежедневныя возліанія вина, и изысканность поварского искусства, и поклонники могущества, лстившіе словомъ и дѣломъ? Все это было, какъ ночь и сновидѣніе, и съ наступленіемъ дня исчезло; это были весенніе цвѣты, и съ удаленіемъ весны всеувяло; была тѣнь — и прошла; былъ дымъ — и разсѣялся; были пузыри — и лопнули; была паутина — и расторглась. Посему мы и воспѣваемъ это духовное изреченіе, постоянно повторяя: *суета суествій, всяческая суета*. Это изреченіе навсегда должно быть написано и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на площади, и на домѣ, и на дорогахъ, и на дверяхъ, и въ преддверіяхъ, а въ особенности на совѣсти каждаго, и

должно быть повторяемо постоянно. Такъ какъ коварство въ дѣлахъ, притворство и лицемѣріе принимаются многими за истину, то каждому должно всякій день и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и въ собраніяхъ повторять ближнему и слышать отъ ближняго это изреченіе: *суета суетствій, всяческая суета*. Не говорилъ ли я тебѣ постоянно, что богатство есть бѣглый рабъ? А ты насъ не слушалъ. Не говорилъ ли я, что оно — неблагодарный слуга? А ты не хотѣлъ вѣрить. Вотъ опытъ на дѣлѣ показалъ, что оно не только бѣглый и неблагодарный рабъ, но и человекоубійца; вѣдь оно теперь заставило тебя трепетать и страшиться. Не говорилъ ли я тебѣ, — хотя ты постоянно запрещалъ мнѣ говорить правду, — что я люблю тебя болѣе, чѣмъ льстецы, что я, обличая, забочусь о тебѣ болѣе, чѣмъ тѣ, которые угождаютъ? Не прибавлялъ ли я къ этимъ словамъ, что *достовернѣе суть язвы друзей, нежели вольная лобзанія враговъ* ¹⁾ (Притч. ххvii, 6)? Если бы ты переносилъ мои уязвленія, то ихъ лобзанія не причинили бы тебѣ этой смерти, потому что мои уязвленія производятъ здоровье, а ихъ лобзанія нанесли неизлѣчимую болѣзнь. Гдѣ теперь твои виночерпші? Гдѣ тѣ, которые расталкивали предъ тобою народъ на площади и говорили тебѣ предъ всѣми тысячи похвалъ? Они разбѣжались, измѣнили дружбѣ, ищутъ для себя безопасности въ твоёмъ мученіи. А мы не такъ: мы и тогда не оставляли тебя не смотря на твое негодованіе, и теперь падшаго тебя покрываемъ и защищаемъ. Церковь, которая терпѣла отъ тебя гоненіе, открыла для тебя свои нѣдра и приняла тебя, а зрѣлица, которымъ ты покровительствовалъ и изъ-за которыхъ ты часто негодовалъ на насъ, предали тебя и погубили. Мы никогда не переставали говорить: что ты дѣлаешь? Ты неистовствуешь противъ Церкви и самъ стремишься на край гибели. Но ты все это оставлялъ безъ вниманія. И вотъ конскія состязанія, поглотившія твое богатство, изошрили на тебя мечъ; а Церковь, испытывшая на себѣ твой безвременный гнѣвъ, обходитъ вездѣ, желая избавить тебя отъ сѣтей.

393 2. Это я говорю теперь, не попирая падшаго, но желая утвердить стоящихъ, не растравляя ранъ пострадавшаго, но желая сохранить здоровье еще нераненныхъ, не предавая утопающаго въ жертву волнамъ, но научая плывущихъ при попутномъ вѣтрѣ, чтобы они не потонули. Какъ можно достигнуть этого? Если мы будемъ помнить о непостоянствѣ человѣческихъ дѣлъ. И этотъ человѣкъ, — если бы онъ боялся непостоянства, не былъ бы теперь его жертвою. Но если онъ не исправился ни самъ по

¹⁾ Слав. Библ. — язвы друга, — лобзанія врага.

себѣ, ни при помощи другихъ, то по крайней мѣрѣ вы, гордящіеся своимъ богатствомъ, въ его несчастіи найдите для себя полезный урокъ. Нѣтъ ничего ничтожнѣе дѣлѣ человѣческихъ. Какое бы слово ни употребилъ кто для обозначенія ихъ ничтожества, оно будетъ блѣднѣе истины. Назовешь ли ихъ дымомъ, или травой, или сномъ, или весенними цвѣтами, или чѣмъ бы то ни было, они дѣйствительно тлѣнны наравнѣ со всѣмъ этимъ; они даже менѣе, чѣмъ ничто. И при такомъ своемъ ничтожествѣ они еще подвергаютъ насъ великой опасности, какъ это видно изъ настоящаго случая. Кто былъ выше этого человѣка? Не превзошелъ ли онъ всѣхъ въ мірѣ своимъ богатствомъ? Не достигъ ли самой вершины почестей? Не всѣ ли трепетали предъ нимъ и боялись его? Но вотъ онъ сдѣлался несчастнѣе узниковъ, жалче рабовъ, бѣднѣе нищихъ, томимыхъ голодомъ, каждый день видя предъ собою изощренные мечи, и пропасть, и палачей, и веденіе на смерть. Онъ не помнитъ уже прежняго величія и даже не видитъ солнечнаго свѣта; самый полдень для него — глубочайшая ночь: заключенный въ стѣнахъ, онъ какъ бы лишентъ зрѣнія. Впрочемъ, сколько бы мы ни старались, мы не можемъ выразить словами то страданіе, какое онъ долженъ терпѣть, ожидая каждый часъ смертной казни. И нужны ли наши слова, когда онъ самъ ясно изобразилъ намъ это, какъ бы на картинѣ? Вчера, когда пришли за нимъ изъ царскаго дворца, съ тѣмъ, чтобы насильно взять его, и онъ прибѣжалъ къ святилищу, лице его было, какъ и теперь, нисколько не лучше, чѣмъ у мертвеца; а скрежетъ зубовъ, и дрожь, и трепеть во всемъ тѣлѣ, и прерывистый голосъ, и онѣмѣвшій языкъ, и вся наружность были таковы, каковы могутъ быть у человѣка съ окаменѣвшею душою.

3. И это говорю я, не порицая и не издѣваясь надъ его несчастіемъ, но желая смягчить ваши души, склонить къ состраданію и убѣдить довольствоваться совершившимся наказаніемъ. Многіе у насъ столь безчеловѣчны, что даже и насъ укоряютъ за то, что мы приняли его въ святилище; поэтому я и выставлю на видъ его страданія, желая словами своими смягчить ихъ безчувственность.

И почему, скажи мнѣ, возлюбленный, ты негодуешь? Потому, говоришь, что нашелъ убѣжище въ Церкви тотъ, который постоянно враждовалъ противъ нея. Но потому особенно и нужно прославлять Бога, что Онъ попустилъ (противнику Церкви) впасть въ такую крайность, чтобы онъ позналъ и силу, и челоуѣколюбіе 394 Церкви,—силу въ томъ, что за вражду противъ нея онъ потерпѣлъ такое несчастіе, а челоуѣколюбіе въ томъ, что она, послѣ всѣхъ его притѣсненій, покрываетъ его теперь щитомъ, взяла его

подъ свои крылья и поставила внѣ всякой опасности, не вспомнивъ ни о чѣмъ изъ прежняго, но открывъ ему свои нѣдра съ великою любовію. (Для Церкви) это — самый славный трофей; это — (ея) блестящая побѣда; это посрамляетъ эллиновъ, это пристыжаетъ іудеевъ. Въ этомъ съ новымъ блескомъ проявилось величіе Церкви: взявъ въ плѣнъ врага, она не только щадитъ его, но когда всѣ оставляютъ его одинокимъ, она одна, какъ нѣжно любящая мать, скрыла его подъ своимъ покровомъ и стала противъ царскаго гнѣва, противъ ярости народа и противъ невыразимой ненависти. Это — украшеніе для алтаря. Какое, скажешь, украшеніе въ томъ, что алтаря касается человѣкъ преступный, корыстолюбецъ и грабитель? Не говори этого: и блудница коснулась ногъ Христовыхъ, а она была весьма преступна и нечиста, и однако это послужило для Іисуса не въ вину, а въ похвалу и великую славу, потому что нечистая не повредила чистому, но чистый и нескверный сдѣлалъ преступную блудницу чистою чрезъ прикосновеніе. Не будь же злопамятенъ ты, человѣкъ; мы — рабы Того, Который на крестѣ сказалъ: *отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ* (Лук. ххш, 34). Но, скажешь, онъ самъ заградилъ здѣшнее убѣжище разными указами и законами? Но вотъ онъ на дѣлѣ узналъ, что такое онъ сдѣлалъ, и своимъ поступкомъ самъ первый предъ лицомъ всей вселенной нарушилъ законъ, и (теперь) отсюда безъ словъ убѣждаетъ всѣхъ: не дѣлайте этого, чтобы вамъ не испытать того же. Несчастіе сдѣлало его учителемъ. И этотъ алтарь изливаетъ великій свѣтъ, оказываясь теперь особенно страшнымъ потому, что держитъ связаннымъ льва, подобно тому какъ царское изображеніе производитъ большее впечатлѣніе, когда оно представляетъ не просто царя на престолѣ, въ порфирѣ и діадемѣ, но и то, что подъ его ногою лежатъ варвары съ связанными назади руками и съ поникшими внизъ головами. Впрочемъ нѣтъ нужды въ убѣжденіи словами, когда вы сами свидѣтельствуете объ этомъ своимъ усердіемъ и стеченіемъ. Подлинно, свѣтлое у насъ сегодня зрѣлище и блестящее собраніе! Только въ святую Пасху я видѣлъ столько собравшагося народа, сколько вижу здѣсь теперь: такъ этотъ человѣкъ молча созвалъ всѣхъ: его дѣла прогремѣли громче трубы. И вотъ дѣвы, оставивъ свои покои, жены — свои комнаты, и мужья — рынокъ, всѣ вы собрались сюда, чтобы видѣть, какъ обличается человѣческая природа, какъ открывается тлѣнность житейскихъ дѣлъ и какъ съ лица блудницы, которое сіяло красотою вчера и третьяго дня, перемѣною судьбы словно губкою стираются притиранія и прикрасы, — вѣдь таково счастье, приобрѣтаемое въ погонѣ за богатствомъ! — и она оказывается безобразнѣе всякой морщинистой старухи.

4. Такъ велика сила этого несчастія, что человѣка славнаго и знатнаго оно сдѣлало теперь ничтожнѣе всѣхъ. Войдетъ ли сюда богачъ — онъ получить (здѣсь) хорошій урокъ. Онъ увидитъ, какъ сокрушенъ и повергнутъ въ прахъ тотъ, кто потрясалъ всю вселенную, какъ боится и трепещетъ онъ, оказавшись трусливѣе зайца и лягушки, безъ цѣпей прикованный къ этому столбу и вмѣсто оковъ связанный однимъ страхомъ. (Это зрѣлище) укротитъ пылъ (всякаго богача), разсѣетъ его надменность, и онъ, начавъ цѣнить человѣческія дѣла такъ, какъ слѣдуетъ ихъ цѣнить, выйдетъ отсюда, научившись на дѣлѣ тому, о чемъ Писанія говорятъ въ словахъ: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣка яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ отпаде* (Ис. xl, 6, 7); и еще: *яко трава скоро изсхнутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ* (Псал. xxxvi, 2); *яко дымъ дніе его* (Псал. ci, 4), и тому подобное. Въ свою очередь бѣдный, войдя и увидѣвъ такое зрѣлище, не будетъ считать себя несчастнымъ и оплакивать свою бѣдность, но станетъ благодарить свою нищету, за то, что она составляетъ для него безопасное убѣжище, безмятежную пристань и твердую стѣну. И не разъ, имѣя предъ глазами этотъ примѣръ, онъ предпочтетъ остаться въ томъ состояніи, въ какомъ находится теперь, чѣмъ, на короткое время получивъ власть (хотя бы) надъ всѣмъ міромъ, потомъ подвергнуть опасности и самую жизнь свою. Видишь, какъ отъ этого бѣгства его сюда — не малая польза и для богатыхъ и для бѣдныхъ, и для низкихъ и для высокихъ, и для рабовъ и для свободныхъ? Видишь, какъ отсюда каждый выходитъ, получивъ врачество, исцѣляясь отъ одного этого зрѣлища? Не смягчилъ ли я и вашего чувства и не отклонилъ ли гнѣва? Не истребилъ ли жестокости? Не склонилъ ли къ состраданію? Я весьма увѣренъ въ этомъ, и свидѣтельствуютъ о томъ ваши лица и потоки слезъ. Итакъ, если въ сердцахъ вашихъ камень превратился въ тучную и плодоносную ниву, то, произрастивъ плодъ милосердія и показавъ цвѣтуцій колось состраданія, припадемъ теперь къ царю, или лучше, будемъ умолять человѣколюбиваго Бога смягчить гнѣвъ царя и сдѣлать нѣжнымъ его сердце, чтобы онъ оказалъ намъ полную милость. И уже съ того дня, когда этотъ человѣкъ напелъ здѣсь убѣжище, произошла не малая перемѣна. Когда царь узналъ, что онъ прибѣжалъ въ это убѣжище, и когда собравшееся войско негодовало на его преступленіе и требовало его смерти, тогда царь произнесъ длинную рѣчь, чтобы укротить ярость войска, уговаривая обратить вниманіе не только на грѣхи (бѣглеца), но и на хорошія дѣла его, и объявляя, что за эти дѣла самъ онъ благодаренъ ему, а за другое прощаетъ его, какъ

человѣка. Когда же они опять настаивали на отмщеніи за оскорбленіе царя, взывая, прыгая, требуя смерти и потрясая копьями, тогда онъ, проливъ потоки слезъ изъ своихъ кротчайшихъ очей и напомнивъ о священной трапезѣ, къ которой прибѣгнулъ несчастный, такимъ образомъ наконецъ укротилъ ихъ гнѣвъ.

396

5. Теперь приложимъ и мы должное съ нашей стороны. Иначе какого вы удостоитесь прощенія, если, когда царь, самъ оскорбленный, не помнить зла, вы, не потерпѣвъ ничего подобнаго, будете показывать такой гнѣвъ? И какъ, по окончаніи этого зрѣлища, вы будете приобщаться таинъ и произносить ту молитву, въ которой намъ заповѣдано говорить: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѣ. vi, 12), если будете требовать наказанія вашему должнику? Но онъ сдѣлалъ великія несправедливости и обиды? И мы не отвергаемъ этого; но теперь время не суда, а милости, не разслѣдованія, а человѣколюбія, не допроса, а прощенія, не приговора и осужденія, а состраданія и помилованія. Поэтому, пусть никто не раздражается и не предается негодованію, но лучше будемъ умолять человѣколюбиваго Бога—продолжить жизнь несчастнаго и исторгнуть его изъ грозящей ему гибели, чтобы онъ загладилъ свои преступленія, и всѣ вмѣстѣ приступимъ къ человѣколюбивому царю, прося его во имя Церкви, во имя алтаря, даровать священной трапезѣ одного человѣка. Если это мы сдѣлаемъ, то и самъ царь будетъ доволенъ, и Богъ прежде царя одобритъ и воздастъ намъ великую награду за наше человѣколюбіе, потому что Онъ отвращается и ненавидитъ жестокаго и безчеловѣчнаго, а милосердаго и человѣколюбиваго принимаетъ и любитъ и, если это будетъ праведникъ, сплетаетъ ему свѣтлѣйшіе вѣнцы, а если грѣшникъ, прощаетъ ему грѣхи въ награду за его состраданіе къ подобному себѣ рабу. *Милости*, говоритъ Онъ, *хочу, а не жертвы* (Ос. vi, 6); и вездѣ въ Писаніяхъ ты видишь, что Онъ всегда этого ищетъ и говоритъ, что это служить къ отпущенію грѣховъ. Такъ и мы умилостивимъ Его, и тѣмъ избавимся отъ своихъ грѣховъ и украсимъ Церковь. Тогда и человѣколюбивый царь похвалитъ насъ, какъ я выше сказалъ, и весь народъ будетъ рукоплескать; тогда концы вселенной будутъ удивляться человѣколюбію и кротости нашего города, и жители всей земли, узнавъ о случившемся, будутъ прославлять насъ. Итакъ, чтобы намъ насладиться такими благами, припадемъ, будемъ просить и умолять, исторгнемъ изъ опасности плѣнника, бѣглеца, просящаго о помощи, чтобы и намъ самимъ сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.